

13

Кризис: экономический или институциональный?

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

П. А. Минакир

Пессимистические оценки и прогнозы экономического роста в России, характерные для 2015–2016 гг., сменились с конца 2016 г. все нарастающим оптимизмом как официальных ведомств и лиц, так и экспертов. Казалось бы, повод для оптимизма действительно есть. После семи кварталов непрерывного падения ВВП страны в 4-м квартале 2016 г. наступил перелом. Росстат отчитался о росте ВВП по сравнению с 4-м кварталом 2015 г. на 0,3 % (см.: Иванов 2017). Возможно, это действительно перелом? Конечно, картину портит то, что в целом за 2016 г. ВВП России все равно сократился на 0,2 %. А вполне вероятно, и еще больше, так как Росстат официально скорректировал макроэкономические оценки за 1-й и 2-й кварталы 2016 г., снизив оценки темпов падения соответственно с 1,2 % до 0,4 % и с 0,6 % до 0,5 % (Там же). Прибавляет оптимизма то, что и в 1-м квартале 2017 г. прирост по сравнению с аналогичным кварталом 2016 г. составил 0,5 % (Росстат 2017). Все это дает основание правительству даже оспаривать позитивные прогнозы роста российской экономики в 2017 г., которые делают международные организации, предсказывающие рост в 2017 г. на уровне 101,4 % (ОЭСР и МВФ) и 101,3 % (Всемирный банк) (Глобальная... 2017). Ободренные позитивными значениями квартальных индикаторов, министр экономики, вице-премьер правительства, а вслед за ними и Президент РФ уверенно предсказывают для российской экономики в 2017 г. прирост на уровне 2 %, хотя еще в январе прогноз Минэкономразвития РФ осторожно предсказывал рост на 2017 г. на уровне 100,6 % (см.: Шувалов... 2017). Причиной улучшения и внутрироссийских, и международных прогнозов является ожидающееся оживление в сфере инвестиций и международной торговли, в частности совокупного экспорта на глобальном уровне (см.: Глобальная... 2017). Конечно, общее увеличение спроса в мировой экономике приведет к некоторому увеличению спроса на основные экспортные позиции России, что и отражается в ожиданиях экспертов.

Кондратьевские волны: к 125-летию Н. Д. Кондратьева 2018 219–229

Определенно можно сказать, что изменился знак макроэкономических ожиданий, что отразилось и в пересмотре рейтинговым агентством S&P в положительную сторону суверенного рейтинга России со «стабильного» до «позитивного» (см.: Иванов 2017). Однако главным вопросом является все-таки другой. Произошло ли изменение фундаментальных основ, определяющих долговременный тренд развития экономики страны? Или по-прежнему надежды связаны с будущим изменением тренда мировых цен на углеводороды? Эти надежды могут оправдаться, но могут и не оправдаться. Вероятность последнего весьма высока.

Во-первых, даже улучшение глобальной макроэкономической конъюнктуры не является гарантией формирования разрыва спроса и предложения на мировом рынке углеводородов из-за сложившегося превышения потенциального предложения над потенциальным спросом. За время низких цен практически все фирмы-производители и государственные бюджеты стран-производителей понесли значительные потери в форме недополученных доходов. Любое улучшение конъюнктуры будет ими рассматриваться, скорее всего, как сигнал для наращивания предложения в максимально возможных размерах для перераспределения в свою пользу аккумулированных в предыдущий период странами-импортерами сверхдоходов. Результатом может быть нарушение баланса спроса и предложения уже при новых уровнях спроса и возврат экспортных цен к низким уровням.

Во-вторых, быстрый технический прогресс меняет структуру потребления энергии и удельные нормативы потребления, объективно сокращая глобальный спрос.

Пока можно, очевидно, говорить только о поддержавших экономику краткосрочных структурных и регулятивных эффектах, которые, впрочем, связаны более с внешними факторами, а не с фундаментальными сдвигами в самой российской экономике. Рост в пищевой промышленности и в целом в АПК обеспечен благодаря увеличению инвестиций на фоне импортозамещения. Прирост в металлургии обусловлен улучшением рыночной конъюнктуры. Государственные заказы в военно-промышленном комплексе и инфраструктурном секторе также поддержали экономику.

Фундаментальными факторами роста для российской экономики в настоящее время являются чистый экспорт и внутренний спрос. Динамика чистого экспорта при сложившейся структуре экспорта угнетается внешней конъюнктурой и может быть активизирована только в случае реальной структурной и технологической модернизации российской экономики, то есть в случае замещения не по доле, а по объему экспорта углеводородов экспортом прочих товаров и услуг. Это невозможно сделать в коротком периоде. Но и в долговременном аспекте это предполагает интенсивные инвестиции в технологии производства и управления.

Каков источник инвестиций? Их в принципе два – сбережения и совокупный долг. За предыдущие 25 лет, прошедшие с момента декларации о переходе к рыночной экономике, способов трансформации сбережений населения в инвестиции так и не было найдено. Учитывая запредельно низкий уровень взаимного доверия государства, частного бизнеса и населения, весьма сомнительно, что этот способ может быть «открыт» в коротком периоде. Неудивительно поэтому, что аналитики Сбербанка призывают увеличить норму совокупного долга с нынешних 100 % ВВП до 150 %, то есть привлечь в экономику в течение 10 лет порядка 40 трлн рублей инвестиций (см.: Долг... 2017). Учитывая, что внешние источники финансирования корпоративного долга для России, скорее всего, еще долго будут оставаться недоступными, речь идет о внутреннем долге, то есть о вышеупомянутой трансформации сбережений в инвестиции, а следовательно, этот рецепт, который с арифметической точки зрения приемлем, становится экономически (поведенчески) нереалистичным. Значит, подразумевается некий иной источник инвестиций, которым по определению в закрытой с финансово-инвестиционной точки зрения экономике может быть только государственный бюджет.

Внутренний спрос на товары и услуги производственного назначения в перспективе определяется и теоретически, и практически размерами накопления, то есть приростом выпуска товаров и услуг, а также степенью их разнообразия. То есть опять возникает проблема источника инвестиций и структурной модернизации экономики. Как отмечено выше, обе эти задачи не имеют простого и однозначного решения в рамках принятой экономической и политической парадигмы.

Не лучше обстоят дела и с внутренним потребительским спросом. В 2016 г. сокращение размеров розничной торговли продолжилось. Оно стало не таким большим, как в 2015 г. (4–5 % против 15 %), но вполне вероятно, что «улучшение» достигнуто за счет указания в отчетности Росстата за 2016 г. агрегатного показателя, включающего оптовую торговлю, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (в 2015 г. отчитывались по показателю «розничная торговля») (см.: Коган, Селезнев 2017). В любом случае, сокращение потребительского спроса продолжается. Смена тренда возможна, но для этого нужно восстановить динамику доходов населения и, самое главное, изменить знак макроэкономических ожиданий у домашних хозяйств, без чего нельзя надеяться на изменение их потребительского поведения. Получается очередной замкнутый круг.

Наличие таких порочных кругов объясняет общее уныние макроэкономических прогнозов и российского правительства, и международных организаций и экспертов. Самые оптимистичные оценки предстоящего в 2017–2020 гг. экономического роста, если он состоится и не будет сорван

экстремальными внешними или внутренними факторами (обвал нефтяных цен, обвал валютного курса рубля, чрезмерное укрепление рубля и т. п.), находятся в диапазоне 1,5–2 % ежегодного прироста. В этом случае российскую экономику ждет длительная стагнация с периодическими спадами в результате циклических или генерированных внеэкономическими причинами внешних конъюнктурных шоков. Один из таких внеэкономических шоков только что обозначен в форме законодательного оформления антироссийских санкций в США.

Таким образом, давно муссируемый и в экспертном сообществе, и на официальных форумах выбор стратегии развития российской экономики, которая бы гарантировала «прорыв» в области стабильного экономического роста, превращается в своеобразное шаманство. Рационального выбора не существует, и остается взывать к «высшим силам», которые неким чудесным образом разорвут хоть какую-то из петель положительной обратной связи, которые туго спеленали национальную экономику. По существу, все более очевидно, что речь идет не столько о выборе рационального способа экономического поведения в макросфере, сколько о рецептах развития в рамках все более закрывающейся экономики, все механизмы и взаимосвязи которой ориентированы и «заточены» под экономику, функционирующую в рамках глобального воспроизводственного цикла. Как строить экономику мобилизационного типа, мы уже знаем, и знаем, что, сколько и кому придется за это заплатить. А вот как заставить экономику, оставаясь рыночной и глобально ориентированной, развиваться быстрыми темпами, то есть наращивать конкурентоспособность в глобальном смысле, опираясь лишь на собственные силы, очевидно, и предстоит сказать «стратегам». По существу, в полный рост перед российской экономикой встал вопрос о «новом двухколейном пути»: существовать в глобальном мире на основе идеологии «чучхе».

Есть ли «свет в конце туннеля», зависит в этом смысле от принципиальной возможности определить «оптимальную» стратегию экономического развития при вышеописанных предположениях и условиях экономического и идеологического характера. Это непростой вопрос, учитывая, что стремление построить «идеальную» стратегию развития экономики за последние 30 лет стало навязчивой идеей для российского политического класса и экспертно-экономического сообщества. Начиная с программы «500 дней», лавина стратегий и программ накрыла российское общество вообще и элиты в частности, породив почти уверенность в том, что секрет успеха в экономике кроется в «хороших стратегиях», а провалы в экономике, наоборот, в неудачных стратегических проектах. Разработка стратегий превратилась в некую виртуальную жизнь для элит и обслуживающих их многочисленных экспертных групп. Выработалось устойчивое убеждение, которое не становится менее популярным от того, что является за-

блуждением, – достаточно только разработать «правильную» стратегию, сопроводить ее (это главное) детальным «планом мероприятий по реализации», и можно с чувством выполненного долга спокойно ожидать экономического чуда в виде высоких темпов роста, народного ликования и зависти недругов. При этом до сих пор нет ответа на простой вопрос: почему при обилии стратегий почти никаких результатов в смысле стабильных темпов роста, стабильного экономического и социального развития, повышения качества жизни так и не достигнуто?

Заметим при этом, что до последнего времени ни про какую «двухколейность» в духе «чучхе-глобалистики» речь не шла. И преодолевать приходилось «всего лишь» внутреннюю конфликтность стратегий социально-экономического развития.

Эта внутренняя конфликтность стратегий социально-экономического развития, которая практически отсутствует в стратегиях производственно-технологического характера, ориентированных на достижение определенных параметров предложения и обмена, обусловлена их ориентацией на параметры дохода и распределения. При этом практически невозможно в явном виде определить цель, способы достижения которой и являются стратегией. Действительно, как можно конструировать стратегию достижения такой цели, как «обеспечить высокое качество жизни», «обеспечить такие-то темпы роста», «повысить производительность труда», «улучшить демографические показатели», «улучшить инвестиционный климат» и т. п.? Подобные цели, во-первых, подлежат чрезвычайно сильной, многоуровневой декомпозиции, в ходе которой обнаруживается, что единой стратегии их достижения просто не существует, а есть некая комбинация пересекающихся и конкурирующих стратегий конкретных экономических, социальных и прочих субъектов общественного процесса. Во-вторых, экономические цели сами по себе являются лишь фрагментами синтетических целей общественного прогресса.

С этой точки зрения дискутируемые ныне стратегии социально-экономического развития по сути воспроизводят тот выбор, который стоял перед властью и экспертами в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: градуалистская стратегия «улучшения институтов» в условиях ограничения денежного предложения, продолжения жесткого контроля инфляции, снижения расходов бюджета и повышения налогов или шоковая стратегия «монетарно-инвестиционной накачки» за счет увеличения денежного предложения, поддержания умеренных темпов инфляции, роста расходов бюджета при снижении налогов и усиленного государственного инвестирования в инфраструктурные проекты. Тогда выбор был предопределен не собственно экономическим расчетом «затраты – результаты», но влиянием одной и другой стратегии на фундаментальные основы общественно-политического и социально-экономического устройства страны. Цель

состояла не в темпах роста и даже не в эффективности функционирования экономики, но в изменении отношений собственности и связанном с этим изменении политической структуры общества. Именно такова была метацель. А инструментом ее достижения являлось переформатирование механизмов функционирования экономических агентов и мотивации их поведения.

Эта метацель была достигнута к началу 2000-х гг. Благоприятный внешний фон в виде высоких цен на углеводороды, давших возможность законсервировать институциональную динамику и общественно-политические процессы в стране, сосредоточившись на накоплении экспортной ренты, сделал в этот период неактуальным вопрос о формулировании новой метацели, хотя в политико-идеологической сфере такая необходимость все время прорывалась на поверхность в форме поисков «национальной идеи». Происходила подстройка поставленной еще в конце 1980-х гг. метацели, ее переформатирование на частичную реставрацию системы прежних общественно-экономических институтов при условии сохранения либеральной оболочки макроэкономического регулирования, но при замене концепции квазисовершенной конкуренции концепцией государственного монополизма и рыночной олигополии.

Вероятно, это объясняет «незаметность» многочисленных стратегий, к примеру «Стратегии 2020». Если нет цели, получится все что угодно, какой угодно красивый и успокаивающий относительно верности канонам текст. Не получится стратегии.

Сейчас ситуация изменилась. Либеральная оболочка не может поддерживаться внешними ресурсами в форме экспортной ренты и начала перестраиваться, поглощая внутренние ресурсы, прежде всего секторов «государственной социальной опеки». Возникла ситуация острой конкуренции между обязательствами государства по опеке социальной и корпоративной, с одной стороны, и военно-политической – с другой.

По сути дела российская экономика оказалась в системном кризисе, который является классическим марксовым кризисом перепроизводства. Поддержание пропорций и выполнение сбалансированных обязательств (которые в условиях победившего государственного монополизма превратились в значительной степени в обязательства государства) возможно только при сохранении сложившихся пропорций «цен» (рентных доходов бюджета, сбережений, конечных расходов, корпоративной прибыли, курса рубля, ставки процента и т. п.). Внешние шоки разрушили эту сбалансированную систему, а механизмов ее автоматической корректировки не оказалось. Они заблокированы тем самым государственным монополизмом и корпоративным олигополизмом, которые формировались все первое десятилетие нового века. Таким образом, главная проблема не во внешних шоках. Они неизбежны, неизвестны их форма, время и размер, но извест-

но, что они обязательно случатся. Главная проблема внутренняя – отсутствие эффективного арбитража, «замороженность» политико-социальных форматов, конфликт псевдорыночного и государственно-монополистического секторов в экономике.

Соответственно, многочисленные дискуссии относительно новой стратегии развития, призванные обеспечить новое «ускорение» и «эффективную экономику»*, на самом деле неявно содержат вопрос о необходимости замены метациели, что автоматически приведет к необходимости обсуждения вопроса о содержании и форме общественного развития в целом. Собственно говоря, ожесточенность дискуссии связана именно с большей или меньшей готовностью спорщиков признать этот факт.

Образную характеристику ожесточения, присутствующего во всех этих «стратегических» дискуссиях, дал модерировавший заседание круглого стола на тему «Российская экономика на перепутье: битва стратегий» (20–22 апреля 2017 г. в Санкт-Петербургском государственном университете) Р. С. Гринберг: «Многие желают спасти российскую экономику, но готовы пожертвовать самой этой экономикой, если не согласны с рецептом спасения». Это очень точная характеристика сути самой дискуссии. Ведь спор идет не о новой метациели, определение путей достижения которой и есть суть стратегии. Спор идет именно о путях, но по умолчанию предполагается, что это разные пути к одной и той же цели – сохранению статус-кво. Тот факт, что это состояние статус-кво и есть причина кризиса и надвигающегося длительного застоя, не то чтобы ускользает от внимания, но представляется, очевидно, настолько «неполиткорректным», настолько выпадающим из генеральной линии, что о нем и говорить не очень прилично.

А поэтому продолжается вялое изыскание новых аргументов или новых нюансов схоластической дилеммы: реформа институтов при сохранении «двухколейной» модели построения экономики или реформа инструментов при сохранении этих самых «колей». Практические рецепты хорошо известны. Первый сводится к модернизации структуры и изменению качества институтов на фоне монетарно-бюджетной стабилизации. Второй – к бюджетно-монетарному стимулированию инвестиций на фоне модернизации и повышения качества институтов. Правда, после Петербургского экономического форума заговорили о третьем рецепте – цифровой

---

* Как известно, лозунг «экономика должна быть эффективной» был провозглашен в 1970-х гг., а в 1980-х гг. его сменил лозунг «ускорение», который имел ясное количественное выражение – удвоение общественного продукта за 10 лет. Ни тот ни другой лозунги ни к какому практическому результату не привели. Система не менялась. А автомобиль, рассчитанный конструктивно на скорость 70 км в час и на потребление 20 литров топлива на 100 км пути, как его ни уговаривай, не сможет показать 200 км в час и все равно будет сжигать свои 20 литров, а не 10 и не 6.

экономике, но это относится уже к изысканности структурных пристрастий, а не к логике макроэкономических решений, о которых, собственно, и идет речь в контексте рецептов.

Сторонники первого рецепта уверены, что искусство маневрирования финансовыми резервами и сохранение макроэкономической стабильности в монетарном смысле вполне достаточны для того, чтобы обеспечить экономике возможность автоматического поиска состояния динамического равновесия. Неясно, правда, почему и как маневрирование и сохранение стабильности, которые вот уже более 20 лет являются краеугольными камнями российской макроэкономической политики, вдруг приведут к восстановлению динамики, хотя до сих пор периодически эту динамику угнетали. Очевидно, ответ следует искать в настойчивых призывах улучшать качество институтов и ускорять реформы. При этом имеется в виду, что проблема качества и стабильности институтов должна быть решена за счет «политической воли». Это, конечно, утопия. Без какой-либо системной трансформации общественно-политического фундамента формирования и гарантии защиты мотивов экономического поведения положительных результатов не будет.

Но есть и еще одна серьезнейшая проблема, на которую указал в ходе дискуссии на вышеупомянутом заседании круглого стола профессор М. Ю. Урнов. Весьма сомнительно, что любые стратегии, если под ними иметь в виду только некий набор инструментов манипулирования макроэкономическими ресурсами для достижения предельно общих целей типа темпов экономического роста или статистических индикаторов производства, потребления, доходов и их распределения, не останутся на бумаге либо не канут в Лету спустя краткий миг. Этого не произойдет только тогда, когда они будут базироваться на фундаментальном понимании природы и тенденций изменения экономической и социальной мотивации акторов экономического и социального процессов. Понимание и учет этих мотиваций – слабое звено в российской экономической и социальной политике. Предположение о том, что макроэкономические индикаторы сами по себе являются достаточным основанием для решения накопившихся и умножающихся проблем социального самочувствия и экономической активности, не есть аксиома. Более того, сложность и неоднозначность мотиваций в обществе свидетельствуют скорее об отсутствии доказательств этого тезиса, чем о подтверждении его аксиоматичности.

Но ведь адепты первого рецепта уверены, что «правильное» макроэкономическое регулирование и продвинутые институты обязательно подвигнут экономических агентов к изысканию и инвестированию внутренних ресурсов, что и даст желаемый переход к росту и процветанию. Не скоро, конечно, зато очень либерально и в полном согласии с неокласси-

ческой концепцией свободы торговли и максимизации чистого сальдо платежного баланса.

Авторам второго рецепта некогда ждать, когда «выращивание институтов» и воспитание экономических агентов приведут к экономическому росту. Они уверены, что, во-первых, результат должен быть получен в кратчайшие сроки, а во-вторых, главным способом снижения экономического роста должна быть «инвестиционная накачка» в форме осуществления инвестиционных мегапроектов по развитию инфраструктуры. Источником финансирования этих мегапроектов должны выступить как раз государственные резервы (включая виртуальные резервы в форме совокупного долга) и средства консолидированного государственного бюджета.

В ходе упомянутого выше заседания круглого стола идея «инвестиционной накачки» была преподнесена в форме проекта «сжатия российского пространства» с помощью строительства скоростной железнодорожной магистрали, которая должна заменить (или увеличить пропускную способность) Транссибирской железной дороги. Разумеется, как и всегда, когда речь идет о железнодорожном строительстве, за счет средств государственного бюджета.

Нет никаких сомнений в том, что залповый вброс в экономику инвестиций (а речь идет в этом проекте о 15–20 трлн руб. за 7–8 лет, то есть примерно о половине той суммы, которую предлагает привлечь за 10 лет Сбербанк посредством увеличения в 1,5 раза совокупного долга) приведет к некоторому приросту ВВП. Так, вложение в подготовку саммита АТЭС во Владивостоке в 30 раз меньших ресурсов госбюджета заметно прирастало ВРП Приморского края. Ненадолго. Закончились инвестиции, и закончился рост. Может, этого не случится в случае с постройкой скоростной дороги? Может быть. Но для уверенности нужно иметь ответы на скучные, но имеющие непосредственное отношение к экономике вообще и экономическому росту в частности вопросы, а именно: какой национальный коэффициент локализации производства будет обеспечен; какова величина инвестиционного мультипликатора; каковы механизм и размеры генерирования внутреннего спроса; как будут распределяться эффекты эксплуатации; как изменятся транспортные издержки; как изменится ситуация с мобильностью труда, произойдет ли действительно увеличение степени гомогенности экономического и социального пространства; какая часть международного транзита контейнерных грузов переключится на российские железные дороги; будут ли получены и какие дополнительные доходы экономики и бюджетов и т. п.? Впрочем, без базовых институциональных преобразований об этом говорить довольно бессмысленно.

А ведь все может произойти с точностью до наоборот. Уровень гомогенности пространства страны в результате строительства магистральной скоростной дороги может снизиться в связи с облегчением стягивания и

без того фрагментированного экономического пространства к уже сформировавшимся вокруг мегаполисов экономическим полюсам, что относится как к рынку труда, так и к размещению производственных мощностей. Огромные затраты бюджетных средств приведут к созданию «транзитной евразийской специализации» российской экономики, что заблокирует институциональную и финансовую поддержку государством частных инвестиций в диверсификацию национальной экономики и экспорта. Огромные средства будут вложены фактически либо в конфронтацию с международным инфраструктурным проектом «Нового Шелкового пути», инициированного Китаем, либо в закрепление статуса сателлита Китая в этом проекте. Причем последнее даже более вероятно, учитывая, что Россия уже официально присоединилась к данному проекту (что было продекларировано в 2015 г. и закреплено официальным межгосударственным заявлением в мае 2017 г.).

Конечно, это всего лишь один из возможных проектов. Правда, список вопросов от проекта к проекту будет меняться незначительно. Но главная проблема заключается в предположении, что государственные инвестиции без каких-либо изменений базовых экономических отношений и социально-политических форматов могут запустить механизм экономического роста, то есть автоматически решить проблему трансфера технологий, эффективных масштабов выпуска, размеров совокупного спроса, структуры внутреннего потребления и экспорта, продуктивности функционирующего капитала, рациональности экономического поведения, эффективной конкуренции и пр. Вряд ли смогут решить эти проблемы сами по себе инвестиции за счет заемного капитала, даже если они и не раскачают устойчивость денежного рынка (что действительно маловероятно при рациональном, правда, инвестировании).

Количество проблем и принципиально нераспутываемых петель обратных связей чрезвычайно велико. Однако наличие рисков – не причина ничего не делать, но очень веская причина ответить на вопрос: какова конечная цель действий? Настала пора осознания необходимости пусть недостаточно политкорректного, но содержательного обсуждения системных проблем общественного процесса как первоочередной задачи. Настала пора формулирования новой метацели – цели общественного в целом и экономического в частности развития, что должно вылиться в формирование оптимальной стратегии достижения этой цели, в которой, конечно, будут сочетаться и обе столь активно ныне обсуждаемые стратегии экономического регулирования.

Библиография

- Глобальная экономика возвращается к росту. 2017.** *Коммерсант.ru* 7 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3319565> (дата обращения: 22.07.2017).
- Долг России предложили нарастить до 150 процентов ВВП. 2017.** *Lenta.ru* 3 февраля. URL: <https://lenta.ru/news/2017/02/03/gdp150/> (дата обращения: 24.07.2017).
- Иванов Ф. 2017.** *Экономика России перешла в стадию роста.* URL: <https://rns.online/articles/Ekonomika-Rossii-pereshla-v-stadiyu-rosta-2017-03-31/> (дата обращения: 16.07.2017).
- Коган Г., Селезнев М. 2017.** С обильным застоём. *Lenta.ru* 6 февраля. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/02/06/ageofrise/> (дата обращения: 16.07.2017).
- Росстат. 2017.** *Валовой внутренний продукт. Квартальные данные.* URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/kv/tab8.htm (дата обращения: 22.07.2017).
- Шувалов спрогнозировал двухпроцентный рост ВВП России в 2017 году. 2017.** *Lenta.ru* 19 января. URL: <https://lenta.ru/news/2017/01/19/rusecon/> (дата обращения: 22.07.2017).